

**ЖУРБА И. Е., К. Е., Ф. С., ЗЫГАРЬ Ф., КУРЕНОЙ А. Д.
— ПРОКУРОРУ и ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ЖУРБА Иван Евсеевич; ЖУРБА Карп Евсеевич; ЖУРБА Федор Семенович; ЗЫГАРЬ Федор Алексеевич. Крестьяне-единоличники из села Покровка Крымского края. В июне 1926 — арестованы, 20 октября приговорены к 3 годам ссылки в Зырянский край.

КУРЕНОЙ Алексей Дмитриевич. Крестьянин-единоличник из села Покровка Крымского края. В июне 1926 — арестован, 20 октября приговорен к 3 годам концлагеря и должен отправляться в Соловецкий лагерь особого назначения.

В октября 1926 — обратились за помощью к Е. П. Пешковой, приложив заявление к прокурору.

<3 октября 1926>

«Прокурору по наблюдению за органами ОГПУ
Копия: председателю Красного Креста тов<ариц> Пешковой

От осужденных
А. Куреного, Федора Зыгаря,
Журбы Федора, Карпа и Ивана,
крестьян села Покровки

Заявление

Постановлением Коллегии ОГПУ от 20 октября 1926 года дело № 27891 и 27892 мы приговорены: Алексей Куреной к 3 годам в Соловки, а остальные 4 крестьянина на высылку в Зырянский край сроком на 3 года. Приговор сам по себе очень суровый, и если принять во внимание нашу невиновность, то и кошмарный. Все дело по обвинению нас возникло на ложных доносах лиц далеко не пролетарского происхождения. Вызван же этот донос исключительно из материальных соображений, дабы удалить нас из села, не иметь в нашем лице вполне здоровых и трезвых работников.

Во время ведения следствия следователь тов<ариц> Поярков допустил не только ряд нарушений процессуального кодекса, но и применял грубые приемы ведения дела: записал нас кулаками, в то время как по сельсовету мы числимся середняками, не допрашивал наших свидетелей, не давал очных ставок с доносчиками, запугивал нас расстрелами, доводил во время допросов до обмороков, после чего заботливо приводил нас в чувство и отменял статьи, а одному из нас предложил подтвердить весь донос на остальных, за что он, следователь, отпустит домой на свободу. Все просьбы и обращения как наши, так и наших жен к прокурору, тов<арицу> Марцинковскому оставались гласом вопиющего в пустыне. Свое нежелание допросить наших свидетелей, товарищи следователь и прокурор неизменно говорили, что, когда дело перейдет в гласный суд, тогда и допросят всех свидетелей. Когда жены узнали, что дело отправлено в ОГПУ, и наши жены пошли к прокурору с жалобой, то последний просто предложил им выйти вон.

Не будучи до сего времени судимы, не зная всех правил обращения в соответствующие инстанции с жалобами, просидевши в тюрьме 4 месяца, нам много стало известно, а потому, невзирая на вынесение приговора, осмеливаемся обратиться с настоящей просьбой к Вам, пересмотреть наше дело и сказать нам свое последнее слово. При нашем деле должны были быть приговоры нашего села, где были подписи также и доносчиков. Кроме этих приговоров должны были быть отзывы действительно

пролетарского элемента деревни и красноармейцев, также должны были быть отзывы из соседней деревни-татар.

Выезжая в неведомую нам даль, мы покидаем наши семьи в количестве 31 души на верную гибель, ибо совершеннолетних работников среди них нет, кроме того, еще осталось 10 семейств в количестве 40 детей пролетариев, село которых мы безвозмездно засевали, молотили, косили, давали корм, хлеб, солому. От них тоже есть отзыв у нас. Все общественные работы по сельскому Совету почти всегда не по назначению и добровольно выполняли мы. Будучи уроженцами Крыма и занимаясь исключительно только хлебопашеством, климат Зырянского края губителен для нас, как для здоровья, так и для существования. И если добавить состояние нашего здоровья по медицинским освидетельствованиям: у одного потеря трудоспособности на 70%, у другого — порок сердца, ужас охватывает нас.

Доведя вышеизложенное до Вашего сведения, мы надеемся, что Вы обратите Ваше внимание на эти несправедливости и примите соответствующие меры.

11 октября мы выезжаем этапом на Москву, убедительно просим Вас вызвать хотя бы одного из нас для более детального освещения дела.

Крым<ский> изолятор.

З.Х. 1926 г<ода>.

Подписи»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 109. С. 171-172. Автограф.